

ТЕАТР ТРИ РОЛИ

3 ИЮН 1967

НЕТ никакого сомнения в том, что сегодня Николай Гяуров — один из самых выдающихся оперных певцов-артистов. Он по праву исполняет самые значительные партии мирового басового репертуара. Его недавние гастроли в Москве еще раз подтвердили это. Он пел Бориса Годунова в опере Мусоргского и короля Филиппа в «Дон Карлосе» Верди. К этим двум партиям мне бы хотелось сейчас присоединить еще и третью: Ивана Хованского.

Последняя работа, проведенная в миланском театре «Ла Скала» во время постановки «Хованщины», доставила мне, режиссеру, настоящую радость. С истинным энтузиазмом трудились над воплощением этого сложнейшего произведения все итальянские артисты, советские певцы, приглашенные для участия в первых представлениях, и, конечно, Николай Гяуров — наш друг из Болгарии.

Обладая красивым голосом и мастерски владея им, он всегда очень четко, ярко лепит свои музыкально-вокально-сценические образы. И никогда никого не копирует. И всегда ищет характерность. Поэтому каждый его персонаж наделен правдивыми человеческими чертами. Поэтому внутренняя, нравственная жизнь героев Гяурова неизменно интересна публике и вызывает ее сопереживания.

В «Хованщине» сцена в покоях Ивана Хованского — одна из сильнейших. Опальный, изгнанный боярин мечется по терему, негодуя от бессилия что-либо изменить... Он ищет забвения в разгуле и не находит его. И вдруг за ним приходят, чтобы звать во дворец: там якобы не хотят без него начать царский совет... Переход от безысходной тоски и ярости одиночества к торжеству человека, который необходим и который вот-вот снова займет свои прежние всевластные позиции, передается Гяуровым так, что нельзя не восхищаться. Тщеславие, радость, восторг Хованского, уверенность, что он начинает снова жить, и мгновенная смерть от удара ножа убийцы — этот контраст, эта внезапность уже почти философского одновременного объединения жизни и смерти захватывают зрителей и слушателей...

ЕСТЬ еще одно редкое свойство в художественной индивидуальности Гяурова: умение убеждать. В его трактовке того или иного образа, может быть, немало спорного. Но, готовя роль, он разрабатывает в ней такие глубинные пласты и сам, видимо, так проникается по-своему понятыми чувствами героя, что публика охотно подчиняется его интерпретации. Можно спорить, например, с тем, что его король Филипп недостаточно властен, тираничен, жесток; что чрезмерно подчеркнуты его страдания, обездоленность, одиночество. Но нельзя не любоваться тем мастерством, с которым обрисованы все эти черты.

Быть может, будучи постановщиком «Дон Карлоса», я пристрастен к этому спектаклю и потому особенно ревниво отношусь к «своему» королю? Что ж, подобные слабости, вероятно, свойственны любому режиссеру. Но я хочу подчеркнуть, что, работая с Гяуровым, репетируя с ним «Дон Карлоса», я так же, как в «Хованщине», не уставал поражаться его артистической хватке, его художественной жадности, его пытливости... Стремясь найти не только зерно образа, но и дойти до его корня, Гяуров, пользуясь своими благодарнейшими сценическими данными, умением распорядиться ими с наибольшей эффективностью, находит и чисто музыкальные средства выражения многообразных эмоций: меняя тембровые краски голоса, находя все новые вокальные нюансы, Гяуров уже вокально, певчески убеждает в правомерности своей трактовки.

Так, знаменитый монолог Филиппа и сцена с королевой Елизаветой приобретают исключительную силу. Монолог — скорбь мятущейся души человека недюжинного и глубоко несчастного. В сцене с супругой, когда она требует возвращения шкатулки с портретом Дон Карлоса — сына Филиппа, его любимого, король утрачивает все свое величие. Перед нами просто любящий муж, тщетно жаждущий ответного чувства. Он не обвиняет. Он вымаливает ответ, который дал бы покой его измученной душе.

Мне кажется, что выступление в «Дон Карлосе» (Филипп исполнен Гяуровым уже очень много раз на лучших сценах мира) было воспринято, как настоящее театральное событие. Бориса Годунова он пел еще очень мало. Эта партия, несомненно, в творческих возможностях Николая Гяурова. Но еще рано говорить об этой партии, как о завершённой, ибо данная партия более чем какая-либо иная — «роль всей жизни» для любого артиста. Поэтому я уверен, что когда Гяуров приедет к нам в следующий раз (а его гастроли, конечно, должны стать систематическими), мы снова с радостью убедимся, что творческий рост этого замечательного художника продолжается.

И. ТУМАНОВ,
народный артист СССР.

ИЗВЕСТИЯ
МОСКВА